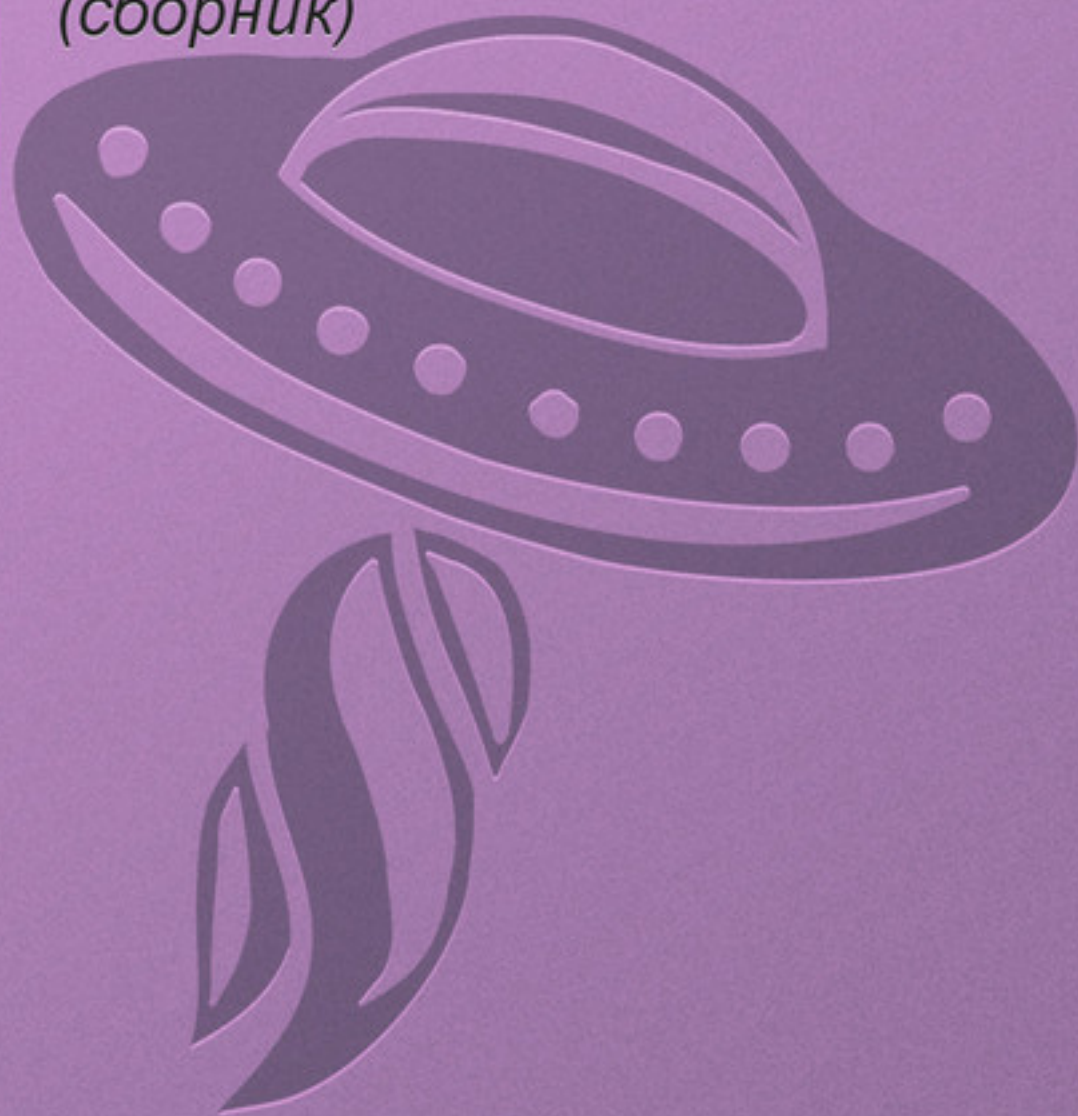

Сватоплук Чех

Новое эпохальное путешествие пана Броучека, на...

*Часть сборника
Назад в будущее. Истории
о путешествиях во времени
(сборник)*

Сватоплук Чех

**Новое эпохальное
путешествие пана Броучека,
на этот раз в XV столетие**

«Public Domain»

1889

Чех С.

Новое эпохальное путешествие пана Броучека, на этот раз в XV столетие / С. Чех — «Public Domain», 1889

«Следует засвидетельствовать, что пан Броучек ничуть не возгордился, когда после его эпохального путешествия на Луну на него обрушилась слава. Сообщение о его потрясающих открытиях облетело всю страну, и имя Броучека было у всех на устах; несколько редакций (и партий) даже сцепились из-за него, причем каждая добивалась его расположения и подсовывала ему свои идейки. Но пан Броучек благоразумно и скромно помалкивал. Не заботясь о волнениях публики, он тихо продолжал взимать со своих жильцов квартирную плату и проводить вечера, как и прежде, в кругу старых знакомцев «У петуха» или в «Викарке», хотя в последней реже: к пану Вюрфелю он рисковал отправиться лишь в новолуние или в пасмурную погоду, когда небо сплошь затянуто тучами...»

© Чех С., 1889

© Public Domain, 1889

Содержание

Предисловие (К первому изданию)	5
I	9
II	13
III	22
IV	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сватоплук Чех

Путешествия пана Броучека

Новое эпохальное путешествие пана Броучека, на этот раз в XV столетие

Предисловие (*К первому изданию*)

Год назад написал я по просьбе пана Матея Броучека книгу о его удивительном путешествии на Луну, и поразительные открытия, в произведении моем содержащиеся, встретили в нашем народе горячий отклик. Однако сыскались меж критиками и маловеры; наперекор всем доказательствам, в конце книги приведенным, они делали вид, будто путешествие пана домовладельца на Луну считают обыкновенной писательской уловкой. Я не рискую спорить с этими скептиками, ибо они не перестанут сомневаться даже в том случае, если пан Броучек свалится им с Луны прямо на голову.

Скептики сии увидели в моей книге лишь сатиру; но только одни утверждали, что она направлена против тех, кто живет лишь во имя своего материального благополучия и кому недоступны духовные идеалы, другие же, наоборот, считали, что ее острие обращено против тех, кто во имя чистой идеальности утрачивает реальную почву под ногами. Хороша сатира, к которой автору следовало бы сначала написать комментарий!

Исходя из занятой ими неверной позиции, эти критики выставили моей предполагаемой сатире некоторые упреки.

Одни упрекали ее в односторонности, мол, занимается она по большей части лишь делами литературными и вообще художественными. Как будто бы сатирик обязан каждый раз полностью прочесывать жизнь всего общества и не имеет права взять сегодня одну, а завтра другую ее сторону и посвятить ей хоть целую книжку! А ведь уже выбор места для путешествия пана Броучека – поэтического, призрачного лунного мира, с эфирными, росой и ароматами питающимися жителями, – мог бы подсказать читателю, что автор книги намерен трактовать в ней лишь тончайшие духовные материи общественного бытия, а не иные, более вещественные его аспекты. Для этих последних больше подошел бы как место действия Меркурий, объем которого в шестнадцать раз меньше земного и жители которого вполне могли бы выглядеть как мальчишки-с-пальчики и девочки-дюймовочки.

Иным критикам не понравилось слишком тривиальное обрамление сюжета сном. Ну, что касается сатиры, то рамка для нее дело второстепенное. Однако позвольте задать вопрос: если автору по каким-либо причинам нужно, чтобы его герой оказался на Луне, то как это осуществить? Или при помощи сна, или же посредством какого-нибудь фантастического, неподобного аппарата, каковой Эдгар Аллан По нашел, кажется, в образе воздушного шара, из газет склеенного, а Жюль Верн – в образе гигантского полого ядра, выстреленного из пушки. Иные пути мне неизвестны, и автору остается только, воспользовавшись суверенным писательским правом, презреть все законы природы и попросту закинуть своего героя на Луну. Этот третий путь я и избрал как наиболее мудрый, принимая во внимание заезженность двух предыдущих. Именно этим путем, а вовсе не во сне попадает пан Броучек на Луну, как он сам ясно и подробно рассказывает в моей книге, и писатель никак не виноват, что иные критики больше верят пустой болтовне экономки пана Броучека и постового.

А еще один критик упрекнул меня в том, что я обидно выразился в адрес моравской критики. Право, не знаю где. Может, в том месте, где я говорю, что изуродованного Пегаса

«видели даже в Моравии»? Но уже слово «даже» могло бы ему подсказать, что тот же самый Пегас скитался и по Чехии, а если этого мало, то я здесь дополнительно торжественнейшим образом заявляю, что к чешской и моравской критике питаю совершенно одинаковое по глубине уважение.

Однако больнее всего ранил меня своей рецензией критик одной провинциальной газеты. Ему попал в руки проспект, в котором издатель обещал покупателям «Путешествия на Луну» столько редкостных духовных лакомств, что у нашего критика потекли слюнки. Он ожидал целый фейерверк блестящих шуток, кровавую сатирическую рубку во всех сферах чешской жизни, сверкающий юмор и неотразимый комизм, от которых он будет прыгать в восторге, как некий испанский гидальго при чтении «Дон Кихота», – словом, кто знает, чего он еще ожидал? А тут на тебе! Вместо всего этого глоток жиденького лимонаду, горсточка убогого юмора и скудных шуток, при которых читатель улыбается лишь из милосердия, кучка туманной псевдосатиры на литературный мир, до которого никому нет дела, и на отношения в художественной среде, которые никому не интересны. Если бы автор при описании путешествия на Луну использовал хоть сколько-нибудь занимательно новейшие научные исследования – при этом критик обращает мое внимание на полный остроумия научный роман о Луне, вышедший из-под пера Жюль Верна, – то такое описание Луны в беллетристической форме дало бы читателю, помимо развлечения, какую-то пользу. Но даже на это не хватило у легкомысленного, поверхностного автора прилежания и таланта.

Стоит ли тут удивляться, что наш критик был полностью разочарован «Путешествием на Луну» и что подобное же разочарование он наблюдал на лицах и других читателей, проживающих в тех же краях?

Против всего этого я могу лишь возразить, что трудно писать после Жюль Верна научные романы, что Сервантесом тоже не каждый стать может и, наконец, что я не отвечаю за слишком пылкие обещания и бойкий слог господина издателя, который сделал из меня в своем проспекте чуть ли не «нашего гениального поэта» или нечто в этом роде...

Защищаясь от нападок критиков, я нарочно занял их сомнительную позицию, будто я в самом деле написал лишь сатирическую небылицу. Большинство же моих читателей приняли «Путешествие» без всяких задних и побочных мыслей, и, по-видимому, форма повествования также их более или менее удовлетворила, ибо они и не ожидали от меня никаких ослепительных вспышек остроумия и стилистического блеска.

Вот им-то, воистину дорогим моим читателям, я и предлагаю песнь вторую моей «Броучкиады», отчет о новом, еще более достопримечательном путешествии нашего прославленного лунопроходца, которое многим будет тем желаннее, что на сей раз местом действия нам будут служить не заоблачные выси, но милая нашему сердцу родина, наш королевский город Прага, коей славнейший час истории, будто воскрешенный по слову могучего заклинателя духов, в полной силе встает из гробницы столетий и является пред очами поздних потомков.

Однако разочарованное лицо провинциального рецензента и его соотечественников преследовало меня целый год во сне и наяву и даже сейчас вызывает во мне горькие укоры совести. Я боюсь, как бы кто-нибудь из этих господ, вопреки первому разочарованию, не приобрел мою новую книгу, а вместе с ней и новое разочарование, быть может, еще более чувствительное. У меня нет слов, чтобы сказать, как не люблю я обманым способом втираться в чужое доверие и как уязвлена моя душа упреком, что я кого-то обманул творением рук своих. Лучше уж, чтобы не читал меня никто!

Из опасений, что господин издатель может опять забросить в круг чешской публики удочку с какой-нибудь неотразимой приманкой, на которую мог бы пойматься кто-либо из тех, кому моя книга вовсе не адресована, я сам написал на сей раз проспект в форме, показавшейся мне наиболее целесообразной, а именно:

«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

Уже не единожды раздавались в нашем обществе укоризненные – и справедливо – голоса против недобросовестных издателей, которые шарлатанским способом всякий литературный мусор в велеречивых проспектах в качестве драгоценных шедевров до небес превозносят, чем не только публику сознательно вокруг носа обводят, но и самой литературе наносят ущерб, поскольку обманутая публика после этого от книг истинно ценных, вообще от словесности отечественной с недовольством и недоброжелательством отвращается. Можно утверждать, что все какие ни на есть проспекты являются злом, ибо достойные книги у нас – как известно – и без такой назойливой рекламы находят потребителей предостаточно и даже чрезмерно.

В прошлом году имел место особенно вопиющий случай горлопанской рекламы: издатель Ф. Топич прямо-таки наводнил все земли короны Чешской иллюстрированными проспектами книги С. Чеха «Правдивое описание путешествия пана Броучека на Луну», в коих столь бесстыже расхваливал эту не имеющую цены халтуру, что многие попались на его удочку и затем жестоко поплатились за свое легкоеверие.

Хотя нашелся журнал, публично осудивший это бесстыдство, вышеупомянутый Ф. Топич и в этом году готовит подобное покушение на чешских читателей. По счастью, мы вовремя провели о его замыслах и можем парализовать его действия данным предостережением.

Нам удалось заполучить сигнальные листы вышеупомянутой книги, коей демагогическое название «Новое эпохальное путешествие пана Броучека, на сей раз в XV столетие» уже само по себе наполнит отвращением всякого серьезного, рассудительного читателя.

А уж содержание! Это поистине наглый памфлет на наиславнейшую страницу нашей истории, на эпоху гуситскую, это лоскутное одеяло, пресная болтовня без складу и ладу, без мысли и чувства, полная логических и фактических несуразностей и чудовищных анахронизмов, над которыми наши археологи и историки могут лишь в отчаянии заломить руки. Каждая страница свидетельствует о том, что автор лишь в последнюю минуту поверхностно ознакомился с каким-то трудом по истории гуситского движения, но в прочих отношениях является совершенным дилетантом по части археологии и истории и, уж конечно, не обладает ни малейшим пониманием духа чешской истории. Итак, тут и речи не может быть о поучительном чтении – скорее, можно говорить о сбивании с панталыку; но и о занимательности говорить не приходится, ибо это книга нудная, не увлекающая ни действием, ни описанием характеров, ни чем-либо еще; юмор, к которому несчастный автор местами себя понуждает, вызовет лишь сострадательную усмешку; сатира, на которую он, по-видимому, замахивался, совершенно невразумительна и вызывает желание высмеять лишенных чувства юмора литераторов, которые во что бы то ни стало хотят быть сатириками; слог крайне небрежный и пестрит на каждой странице грубыми погрешностями против духа языка чешского. Короче говоря, все это произведение являет собой ясное свидетельство того, что давно пора обуздать стареющего писателя, который в нечистоплотной погоне за гонорами и фимиамом, воскуряемым ему беззастенчивыми подхалимами, пичкает чешскую читающую публику несъедобными плодами своей увядшей музыки.

И на этот раз книга Чеха «украшена» уродливыми загогулинами и мазней известного своей бездарностью и небрежной работой В. Оливы, впрочем, вполне достойными сей жалкой литературной стряпни. Нам удалось разжиться и несколькими образчиками этих рисунков, и мы можем приложить их в качестве иллюстрации для устрашения. И подумать только, сей плод убожества авторского и издательского, отталкивающий той же безвкусицей и убожеством оформления, что и «Броучек» прошлогодний, продается за бесстыдно взвинченную цену: 30 крейцеров за выпуск и 3,10 гульдена за все творение объемом 21 печатный лист и 114 иллюстраций!

Однако мы убеждены, что наше предупреждение достигнет своей цели и никто, никто потом и кровью заработанный крейцер на этот хлам не ассигнует.

Да будет единым лозунгом всей нашей читающей публики чешской:

Мы зарок себе дадим И на том всегда стоим, «Новое путешествие Броучека» Покупать мы не хотим.

А кому эта книга будет прислана для ознакомления, верни ее тотчас же издателю, для чего сообщаем и к позорному столбу пригвождаем полное название фирмы: «Ф. Топич, издательская и книготорговая фирма в Праге, Фердинандова ул., 8».

Само собой разумеется, что «Новое путешествие пана Броучека» не станут продавать ни в одном приличном книжном магазине».

Вот такое предупреждение было написано мною, но, поскольку я не очень уверен, что мой издатель не заменит его каким-нибудь хвалебным проспектом, я включил его в свое предисловие, чтобы оно попало в руки тех, кому предназначается, хотя бы с первым выпуском, который они безболезненно могут вернуть¹.

И все же я знаю, что те, кто питает доверие к пану Броучеку и лицам, пером и карандашом причастным к его путешествиям, невзирая на предупреждение, обзаведутся нашим новым эпохальным опусом. Я также убежден, что они снисходительно отнесутся к тому, что писатель моего калибра может им дать, и, в частности, не будут делать мне упреков по линии археологической: признаюсь откровенно, я в области старинного быта совершеннейший профан и никаких специальных трудов, готовясь к написанию книги, не изучал, – я просто описываю то, что пан Броучек своими глазами видел, своими ушами слышал, а это все-таки во сто крат ценнее, чем выписки всех археологов и историков из старых, заплесневелых рукописей, которые либо все врут, либо кем-то подброшены. Ежели в чем моя книга с современным уровнем развития науки расходится, пусть пан Томек et consortes в своих сочинениях поправят.

*В королевском Граде пражском,
в «Викарке», в день святого Томаша.
С. Ч.*

---

¹ К сожалению, во время написания сих строк я не имел еще полного представления о масштабах издательской хитрости; мое предисловие было присовокуплено к *последнему* выпуску!

I

Следует засвидетельствовать, что пан Броучек ничуть не возгордился, когда после его эпохального путешествия на Луну на него обрушилась слава. Сообщение о его потрясающих открытиях облетело всю страну, и имя Броучека было у всех на устах; несколько редакций (и партий) даже сцепились из-за него, причем каждая добивалась его расположения и подсовывала ему свои идейки. Но пан Броучек благоразумно и скромно помалкивал. Не заботясь о волнениях публики, он тихо продолжал взимать со своих жильцов квартирную плату и проводить вечера, как и прежде, в кругу старых знакомцев «У петуха» или в «Викарке», хотя в последней реже: к пану Вюрфелю он рисковал отправиться лишь в новолуние или в пасмурную погоду, когда небо сплошь затянуто тучами.

Короче, пан домовладелец ни в чем не отступил от своего скромного образа жизни. Он не ходил по ресторанчикам, собирая дань восхищения со своих юных поклонников, а проходя по улице, делал вид, будто не замечает, что взоры всех обращены на него с тем же священным трепетом, с каким некогда взирал народ Италии на певца «Ада», пытаясь найти на его лице следы путешествия по преисподней. Не пожелал пан Броучек ни сфотографироваться со взглядом, вперенным вдаль, и описанием своего путешествия в руках, ни написать для журналов и энциклопедий свою скромную автобиографию – с неизменным образом учителя, заронившего в нежную детскую душу семена добра и красоты, – ни подготовить про запас афористические сентенции для альбома, ни даже мимоходом намекнуть друзьям, что исполняется десять лет, как он стал бывать в «Викарке», – короче, он не усвоил ни одной из привычек знаменитых людей и даже как-то признался мне, что лавры он ценит лишь постольку, поскольку лавровый лист идет для приготовления тушеной баранины.

Я позволил себе столь подробно говорить о скромности пана Броучека, потому что у нас это свойство характера стало редкостью необычайной. Желание славы внезапно сделалось главной и всеобщей чертой нашего общества. Кто теперь печется о том, чтобы тихо и спокойно делать свое дело – в мастерской ли, на своем поле, на кафедре или за рабочим столом, испытывая удовлетворение при виде удачных, хотя и не слишком ярких плодов своего скромного труда? Этот старосветский тип людей постепенно вымирает. Нынешнее поколение единственно к чему стремится, так это к внешнему блеску и фанфарам славы. Причем славы самого различного толка. Учащийся пренебрегает учением и тянется к лаврам поэтическим; учитель полагает учительство занятием для себя второстепенным и мечтает стать сочинителем, если не редактором; адвокат поручает своих клиентов господу богу и ударяется в высокую политику; крестьянин забрасывает свое хозяйство и добивается выборной должности; ремесленник меняет свою табуретку на председательское кресло в каком-нибудь кружке или обществе и так далее, и тому подобное. Национальное достояние – как материальное, так и духовное – при таком направлении мыслей не очень-то возрастает, но зато у нас в Чехии развелось такое количество великих людей, что почти все наше время уходит на горячие орации, празднования пятилетних юбилеев, организацию торжественных банкетов и вечеров и подобные полезные дела.

Насколько глубоко проникла жажда славы во все поры нашей жизни, доказывают и бесчисленные словосочетания и обращения, существующие в нашем языке. Иные народы, приветствуя возгласами своих заслуженных или возлюбленных мужей, довольствуются пожеланием, чтобы они просто были живы (что, разумеется, не так уж много) или, как максимум, чтобы они были живы долго. Немцы кричат «hoch!»², что тоже весьма умеренное, если не сказать двусмысленное, пожелание. У нас же принято приветствовать каждого, коего вся заслуга состоит

---

² «Высоко!» (нем.)

в том, что он дожил до своего пятидесятилетия, громоподобным криком «слава!». В иных странах наиболее уважаемым корпорациям присуждается, самое большее, звание «заслуженных» или «почетных» – у нас же каждая организация сочла бы личным оскорблением, если бы ей было отказано в эпитете «прославленная». «Прославленными» у нас являются каждый комитет, каждый клуб и кружок, каждая редакция, комиссия, артель, ну и конечно, каждое финансовое ведомство, если только не будет оно названо «достолавным» или «всеславным». Короче, слава несется во все концы, и славу разбрасывают пригоршнями направо и налево, как если бы это была самая дешевая вещь в мире. Воистину непонятно мне, откуда у нас набралось столько славы, если взглянуть на нашу более чем скромную литературу, на нашу науку в пеленках, на трудности нашей промышленности и торговли, на наше обремененное долгами сельское хозяйство и наше политическое положение, о котором лучше вообще ничего не говорить.

Простите мне мои занудные рассуждения, на которые навела меня беспримерная скромность моего героя. Многие, не бывавшие даже в Крчи³, не то что на Луне, при встрече со знакомыми похваляются своим бесценным опытом. Верно и вы знаете такого человека, который раз в жизни побывал за границей, например в Дрездене. В каком бы обществе он ни очутился, непременно все должны выслушать несколько слов о его путешествии. Стоит вам, скажем, заговорить о горгонцольском сыре, как он сразу же начинает: «Всякий раз, когда при мне заходит речь о горгонцольском сыре, господа, мне приходит на ум дрезденская Сикстинская мадонна, стоя перед которой я познакомился и подружился с одним старым чудаковатым итальянцем, который...» и так далее, и тому подобное. Короче, о чем бы вы ни говорили, дрезденский путешественник ловко или неловко сумеет приплести к этому свой Дрезден.

Но пан Броучек вовсе не таков. Он очень неохотно касался лунной темы, и разговор в трактире вращался, как и прежде, вокруг дел и событий вполне земных. Единственно, от чего он, верный своему лунному обету, воздерживался, так это от неприязненной критики городских и государственных проблем; по той же причине избегал он и перчаточника Клапзубу, считая его вредным злопыхателем. Но одно событие серьезно поколебало его образцовый оптимизм: это были новые законы о принудительном выселении и переселении квартиросъемщиков, столь чувствительно затронувшие права несчастных домовладельцев, сделав их полностью безоружными перед лицом бессовестных жильцов.

И хотя порой мурашки пробегали по спине пана Броучека при мысли об ужасах «железной девы» и средневековой инквизиции, живописуемых в одной из книг его тощей библиотеки, несправедливое это постановление иной раз пробуждало в его душе тоску по старым добрым временам. Он сожалел, что фальшивый гуманизм отнял у кредитора возможность отправить бессовестного должника в общество жаб и крыс на дно какой-нибудь романтической башни, и полагал, что четвертование заживо не было бы слишком крутой мерой наказания для жильца, который не платит за квартиру «из принципа».

Эти и им подобные соображения стали семенем, из которого в пане Броучеке не вдруг, но проросла симпатия к делам давно минувшим. Сравнивая настоящее и прошлое, каким оно виделось ему по собственным воспоминаниям, по рассказам старых пенсионеров и нескольким рыцарским романам, прочитанным в годы юности, он начал склоняться к мысли, что в стародавние времена во многих отношениях жилось лучше, нежели теперь. Он, конечно, не стал бы голосовать за введение в практику «железной девы» и инквизиции испанского образца, но вот, если бы каждого вора вешали, как тогда, на первой же виселице, государство могло бы экономить огромные суммы на прокормлении этих разбойников, которым нынче строят настоящие хоромы, вынимая денежки из карманов честных людей. А по какому праву заставляют бездетных людей приплачивать свои потом и кровью заработанные деньги на роскошное содержание в школах чужих детей? Раньше учение стоило полушку, но молодежь куда вежливее

³ Крч – предместье Праги.

приветствовала старших, чем теперь. Фабрики не лишали ремесленника куска хлеба, зато сюртук можно было носить полстолетия. А железные дороги? Сколько возчиков и трактирщиков отменно кормилось тогда при дорогах, а путешествие в почтовой карете было хоть и продолжительнее, но не лишено приятности в связи с путевыми впечатлениями и не сопряжено с особым риском, ибо самое большее, что вам грозило, – это лишь поломка оси. И ежели в стародавние времена нападали на путешественников разбойные рыцари со своей челядью, то они хотя бы селились на высоких скалах и подстерегали путников ночами в глухих лесах; ныне же они живут в лучших домах в центре города и обирают нас среди бела дня. Поэтому не стоит удивляться, что при таком направлении мыслей пан Броучек впадал порой в романтическое настроение, каковое – исключая лишь, быть может, ту пору, когда он предавался чтению рыцарских романов, – было ему совершенно не свойственно. И особенно часто посещало его это настроение, когда он, поднявшись в гору на Градчаны, приближался к «Викарке».

Автор этой книги должен признаться, что и сам он подпадает под романтические чары, когда ему случается посетить любопытный сей кабачок. Подходишь ли к нему с тыла, поднявшись по Старой замковой лестнице, пройдя через ворота у печальной Черной башни и миновав строение бургграфства и седые башни базилики Св. Иржи, или же с фасада, идя по Новой замковой лестнице, мимо старых дворянских домов, вдоль позднего портала Скамоцци, но когда, вступив на Третий двор замка, оказываешься перед величавым колоссом собора, стремящим к небу каменный лес декоративных колонн и арок, из всех углов вдруг выступают тени тысячелетнего прошлого и наполняют мою фантазию кипением мрачных и пестро сверкающих образов. Из сумрака давних веков всплывает передо мною рой первых христианских храмов; вижу таинственный взгорок Жижи, где когда-то священное пламя высоко взлетало в кругу славянских жрецов; вижу и каменный престол, на котором старинные Пршемысловичи обувались в лыковые лапти своего праотца. Но вдруг расплываются эти картины, и вместо них встает передо мной храм Св. Вита; еще не достроены его хоры, но уже сияет он во всем блеске своей новой красоты, и входит в него Карл в золотом королевском одеянии, окруженный блистательной свитой духовенства и рыцарей; потом появляется строгая фигура вифлеемского проповедника, смело прибывающего свой вызов на диспут о торговле индульгенциями на двери храма; тут кудрявая голова Иржи из Подебрад гордо несет сияющую корону; там Владислав Польский шествует во всем своем великолепии; вдруг заполняется двор иноземными фигурами в испанских одеждах или в темных ризах астрологов; а теперь в телегах, окруженных отрядами наемников, совершают свой крестный путь к Белой башне белогорские мученики – и дальше, все дальше ткется причудливое полотно картин радостных и печальных, возвышенных и ужасных.

На минуту освобождаюсь от власти прошлого и с удовольствием гляжу на поднимающиеся стены нового нефа храма, которым наше время дополнит великолепное творение эпохи Карла. Но узенькая Викарская улочка снова переносит меня в давнопрошедшие времена. Я вспоминаю о бурных событиях, столь часто во дни религиозных распрей и раздоров нарушавших покой пражских каноников, чья трапезная находилась, по-видимому, как раз там, где вас встречает сегодня скромный трактирчик пана Вюрфеля.

Хотя простое это невысокое строение снаружи несет отпечаток нового времени, вступая в его неправильной формы прихожую, я все еще пребываю в волшебной власти прошлого и так и жду, что пан Вюрфель выйдет ко мне в живописном средневековом наряде: пестрая шапочка на голове, кафтан с рукавами, украшенными буфами и прорезями, юбка, отороченная куньим мехом, плотно облегающие штаны, где одна штанина желтая, а другая лиловая, красные туфли с носами в пол-аршина, – и поставит передо мной вместо трезвой пол-литровой кружки огромный глиняный расписной жбан с дивными фигурками на крышке.

И когда я уже сижу в трактирном зале у глубокой ниши окна, через которое сквозь арку крытой лестницы виден внизу кусочек двора, а за ним толстая крепостная стена, и в широком изгибе ее два маленьких окошка глядят на буйную зелень Оленьего рва, а направо вздымается

пузатая, живописная, таинственная Мигулка – и там я все еще, обхватив ладонями голову, склоненную над кружкой хмельного пива, досматриваю в темном уголке свой сон о прошлом, – и мнится мне, будто сижу под готическими сводами некоей средневековой корчмы и жду, что вот открою глаза – и разом окажусь в каком-нибудь из минувших столетий.

Да простит мне читатель, что я несколько увлекся, говоря о себе: ему должно быть известно, с какой симпатией относятся авторы к своей особе. Просто удивительно, до чего любят заниматься самими собой и с каким почтением, даже пиететом, взирают на свою персону. Я не говорю о поэтах-лириках, которые, как правило, посвящают свой дар исключительно культу своего возвышенного и драгоценного «я»; я не говорю об авторах, специализирующихся на описаниях путешествий, использующих чужие страны и народы по большей части лишь как декорации, на фоне которых ярче выделяется их интересная личность, каждый шаг которой вызывает симпатию поистине джентльменским самообладанием и изысканностью, хотя, быть может, она была комическим персонажем в глазах товарищей по путешествию и туземцев, которых она сама рисует с брезгливым юморком, – да что там, без выступления автора, всеми добродетелями приукрашенного, не обходится сейчас ни одна эпическая поэма, ни один роман, ни рассказ, ни новелла или очерк, и скоро, вне всякого сомнения, настанут времена, когда и драматурги введут свою собственную благодарную фигуру в круг действующих лиц своих пьес. Ученые сочинители ведут себя ничуть не лучше. Хотя бы в сноске они непременно ввернут в свою статью или монографию «автора этих строк», и с каждой страницы на вас веет тем подлинным почтением, с каким они относятся к «автору настоящего исследования».

Но довольно рассуждений – к делу!

II

В четверг, 12 июля с. г. (я указываю точную дату, ибо для описания этого путешествия она имеет важность необыкновенную) пан Броучек после довольно длительного перерыва вновь отправился на Градчаны.

В «Викарке» было уже несколько посетителей, и вскоре завязался общий разговор, предметом коего послужило – как часто тут случалось – романтическое прошлое. Ведь в замке и вокруг замка все, можно сказать, живет за счет этого прошлого. Вы встретите здесь каноников и прочий духовный чин, унаследовавших с давних времен службу и жилье при древнем соборе; встретите ризничих, которым тот же возвышенный памятник старины обеспечивает кусок хлеба и кое-какой дополнительный доход, извлекаемый из карманов странствующих почитателей искусства; встретите здесь и служителей замка, которые, подобно унылым теням минувшей славы, обходят осиротелый град; встретите и благородных девиц из Терезианского института, чей вид отнюдь не нарушает общей архаичной атмосферы, и бедноту, ютящуюся в карликовых, снаружи идиллически подкрашенных, лепящихся к старой крепостной стене хибарках Золотой улочки, той Золотой улочки, в которой вы нашли бы столько же золота, сколько в тиглях алхимиков Рудольфа II, лаборатории коих досужая молва помещает именно сюда, – той самой Золотой улочки, где наш современник может порой в самом деле умирать с голоду по соседству с жутко романтическими голодоморнями, куда чувствительные души пробиваются за щедрые чаевые, чтобы цепенеть и содрогаться при зрелище варварства веков минувших; вы встретите тут и других скромных обитателей здешних домов и домишек, приютившихся под сенью седых полуразрушенных стен и башен, – но тщетно стали бы вы искать здесь то главное, что составляет необходимую принадлежность прекрасного и славного королевского гнезда...

В тот день первой темой обсуждения в «Викарке» были древние крепостные стены и их ужасные казематы. Пан Вюрфель стал рассказывать, как однажды он на воротах съехал в самое глубокое подземелье Далиборки, в бывшую голодоморню, и что он там видел. Эффект, произведенный этим сообщением на публику, вдохновил его на новый рассказ – о подземных ходах, обнаруженных, когда копали котлован под фундамент нового придела собора Св. Вита, куда ему одному-единственному удалось проникнуть. По ступенькам, очень хорошо сохранившимся, он спустился под землю и нашел там два, к сожалению, засыпанных коридора, из которых один вел, по-видимому, точно под «Викаркой» в Олений ров, в то время как другой... куда вел другой, можно было только гадать.

Последнее сообщение возымело на пана Броучека сильнейшее действие, потому что подземные ходы с давних пор обладали для него neodолимой притягательностью; в них была какая-то особая, жутковатая пикантность. Он тут же ухватился за новый предмет разговора и высказал мысль, что эти подземные коридоры, вне сомнения, являются лишь малой частью разветвленной сети тайных подземных ходов, которыми короли в минуту опасности могли выбраться из Градчан в любом избранном ими направлении. Никакой, даже самый заурядный рыцарский замок нельзя себе представить без таких подземных сооружений, не говоря уже о королевской резиденции, столь часто подвергавшейся вражеским нападениям.

Какой-то ученый господин, забредший в тот день в «Викарку», слушал рассуждения пана домовладельца с двусмысленной улыбкой на лице, а потом заметил иронически, что, к сожалению, история не сохранила нам сведений ни об одном короле, который бежал бы подземным ходом из пражского Града. Пан Броучек, как и следовало, отмел с порога это наивное возражение.

– Ну что вы говорите, пан профессор, – произнес он, выразительно постучав себе пальцем по лбу, – ведь не думаете же вы, что древние короли были так глупы, чтобы сообщать кому

попало, как и куда они из Града бегают? Ничего себе тайные ходы, о которых в школе рассказывают на уроках истории! Гениально! Ведь известно же, что даже рабочие, рывшие такие туннели, имели повязки на глазах, а по окончании работ их тотчас казнили.

Эти детальные сведения пан домовладелец почерпнул из уже упоминавшихся нами рыцарских романов, откуда он в юности узнал такую массу технических тонкостей о потайных ходах, что по праву мог бы выступать экспертом в данной области подземного строительства.

Сторону пана Броучека взял другой посетитель, заявивший, что эти подземные ходы очень пригодились бы королю Вацлаву для его ночных экспедиций, в которые он отправлялся со своим неразлучным приятелем палачом, а также для того, чтобы в час нужды он мог ускользнуть из сетей, расставленных ему враждебным дворянством, и скрыться в одном из своих домов в городе.

– Не иначе как через туннель под руслом Влтавы? – насмешливо спросил пан профессор. – Ибо, как известно, из трех домов короля Вацлава IV два находились в Старом городе, а третий так даже на Здеразе⁴.

– Весьма вероятно, что через такой туннель, – отрезал пан Броучек, раздраженный презрительным обращением и обидным тоном надменного профессора. – Или вы думаете, что подобный туннель так-таки никто и не мог построить? Я уже давно читал о туннеле под рекой Темзой в Лондоне, а еще в газетах недавно писали, что собираются копать большой туннель под морским дном из Англии во Францию. Вот так-то!

– Ну что вы говорите, почтеннейший! Что стало возможным в наши дни, при нашей развитой технике... – начал было пан профессор, продолжая улыбаться в свойственной ему презрительно-снисходительной манере, но единомышленник пана Броучека резко пресек его рассуждения:

– Ого-го, уж не думаете ли вы, пан профессор, что в старые времена не умели так же основательно вгрызаться в землю, как в наши дни? Прекрасный урок могли бы вам дать Пршибрамские копи или, к примеру, кутногорский Осел!

– Да и любой осел! – добавил вошедший в раж пан Броучек, который и слыхом не слышал про кутногорский рудник такого названия. – Я лично мог бы вам перечислить рыцарские замки, от которых тайные ходы вели под горами и долами, под скалами и лесами к другим замкам, лежавшим в нескольких милях, да, в нескольких милях, это вам не короткий туннель под Влтавой. Например, от замка Ойленштейн к замку Тойфельсбург, если память мне не изменяет... Но только тогда подобные вещи делались тайно, чтобы все было шито-крыто, а не то что теперь, когда по поводу каждого прорытого перешейка поднимается адский крик на весь мир!

Вряд ли надо повторять, что как замок Ойленштейн, так и замок Тойфельсбург, о местоположении которых я ничего не могу сообщить читателю, были извлечены паном Броучеком из тех же литературных источников его юных лет.

В дебатах, с каждой минутой набиравших остроту и страстность, приняли бурное участие все присутствующие, исключая единственно пана Вюрфеля, едва поспевавшего наполнять кружки, осушаемые наперебой в пылу дискуссии. Больше всего хлопот доставляли ему кружки пана домовладельца. Дело в том, что в последнее время пан Броучек очень стал заботиться о своем здоровье и потому следит за тем, чтобы пиво хорошенько отстоялось, для чего и требует две кружки сразу: сейчас они ему очень помогали наглядно демонстрировать положение Ойленштейна и Тойфельсбурга. Крепостные гарнизоны были представлены содержимым обеих кружек, а тайным подземным ходом служило собственное горло пана Броучека, через которое гарнизон Тойфельсбурга исчезал прежде, чем пан Вюрфель успевал снабдить Ойленштейн свежим подкреплением. А тут еще пан домовладелец припомнил третий укрепленный

---

⁴ Здераз – район Праги.

замок, какой-то Ункенфельс, также имевший с упомянутыми двумя подземную связь, и распространил свои демонстрационные действия и в этом направлении, так что пану профессору пришлось настойчиво обратить его внимание на тот факт, что предполагаемый Ункенфельс является его (пана профессора) собственной кружкой и в данный момент не имеет никаких точек соприкосновения с тайным ходом пана домовладельца.

Ораторское побоище завершилось полной победой пана Броучека. Поверженные противники один за другим обращались в бегство, так что под конец наш герой остался на захваченном поле битвы сам-друг с паном Вюрфелем, который хотя и сопровождал дальнейшие его рассуждения звуками, выражающими совершенное одобрение, но при этом старательно свирял свой брегет со стенными часами. Читателю «Путешествия на Луну» известно значение сих действий, и потому он не удивится, что через какое-то время пан домовладелец расплатился и своей знакомой всем лунной походкой вышел из зала трактирчика.

К несчастью, пан Вюрфель был занят разборкой завалов на поле боя и потому не смог, как обычно, вывести дорогого гостя через прихожую на улицу, а только сказал ему вслед: «Покойной вам ночи, пан домовладелец, – лукаво добавив: – И осторожно с Луной!»

Я говорю: к несчастью, а следовало бы скорей сказать – к счастью, ибо без этой небрежности со стороны пана Вюрфеля пан Броучек не пережил бы нового потрясающего приключения и не родилась бы эта книга.

Но прежде чем приступить к обрисовке дальнейших событий, приличествует сообщить читателям некоторые топографические сведения, хоть и не сомневаюсь, что, пожалуй, каждый сознательный чех уже посетил приснопамятное гнездо, откуда выпорхнули открытия пана Броучека.

Трактир пана Вюрфеля расположен примерно в середине Викарской улочки, напротив поднимающегося нового нефа собора Св. Вита. Через стеклянную дверь входите вы в небольшую прихожую, из нее дверь направо открывается в залу, тоже небольшую, зато уютную, глядящую двумя окошками на Викарскую и одним во дворик, на Олений ров. Принимая во внимание огромную роль этого помещения в деле исследования Луны и его значение для отечественной истории, я мог бы подробно обрисовать и несколько столов с солонками и перечницами, образцово захватанного «национального стрелка»⁵, и несколько картин, весьма небезынтересных в художественном отношении, но прежде всего требующих основательной реставрации; но я оставляю эту возможность тем моим собратьям по перу, которые не могут спокойно миновать ни одного читателю совершенно безразличного места, не составив детальнейшего реестра всего его содержимого, так что и строжайший судебный исполнитель не нашел бы никакого изъяну. В глубине залы находится дверь, ведущая еще в одно помещение, посторонней публике недоступное; лишь пан Вюрфель, готовясь принести жертву своим ларам и пенатам, вступает туда, как верховный жрец входит во святая святых.

Однако возвратимся из залы в прихожую. В глубине ее открывается дверь в кухню, а направо – выход на крытую лестницу, спустившись по которой вы можете с одной стороны войти в подвал, а с другой – выйти на романтический дворик, нами уже упомянутый.

Вот краткий перечень помещений «Викарки» – как, пожалуй, написал бы в своем лучшем стиле всемирно известный путешественник Йозеф Вюнш. Хорошим пособием для читателя явится примерный план, выполненный прилежным иллюстратором.

Итак, пан Броучек вышел из залы в прихожую; но вот что случилось с ним в последующие мгновения, по-видимому, останется навеки покрыто мраком неизвестности... Вюрфель, правда, пребывает в непоколебимом убеждении, что пан домовладелец – несомненно, погруженный в анализ спорной теории тайных переходов – ошибся выходом и повернул в прихожей

---

⁵ Механическая игрушка, при помощи которой мелкие монетки «встреливались» в кассу; собранные таким образом средства изредка направлялись на общественные нужды.

не к дверям на улицу, но в направлении противоположном, а именно к ступенькам, ведущим во дворик; однако пан Броучек решительно отвергает эту версию.

Правда, с уверенностью он может припомнить лишь то, что земля вдруг расступилась у него под ногами и он со страшной быстротой съехал по крутой наклонной плоскости куда-то в глубину. Когда же он очутился вновь на твердой почве и пришел в себя, то машинально стал ощупывать свое тело и все вокруг себя, ибо все тонуло в крошечном мраке. У себя он не обнаружил никаких повреждений, а вокруг нащупал лишь сырую землю и такие же сырые и холодные стены.

Он припомнил, что у него есть коробок спичек, и, чиркнув одной из них, осветил перед собой. Ему открылся тесный, низкий коридор, вида унылого и заброшенного, со стенами, покрытыми плесенью, а местами и обрушившимися. Конца его при робком огоньке спички рассмотреть не удалось. Он зажег другую спичку и посмотрел назад: в коридор спускалось устье крутой, идущей наискосок под углом к поверхности шахты, по которой он съехал вниз. Верхнюю часть шахты разглядеть никак не удавалось, хотя он потратил на это несколько спичек.

– Вот еще история, – проворчал пан Броучек и стал думать, куда это он провалился. «Без сомнения, в подвал», – утешил он себя. Хотя в подвалах не бывает таких узких коридоров, и, судя по длительности быстрого падения, подвал этот лежит необыкновенно глубоко... Впрочем, возможно, что «Викарка» унаследовала какие-нибудь особые подвалы, королевские или епископские, тех времен, когда бочки делались на тысячу ведер и потому нуждались не в таких погребках, как нынче. «И дай-то бог! – убеждал сам себя пан домовладелец. – Этим проходом я доберусь до винного погреба и, если там двери заперты, легко достучусь или дозовусь Вюрфеля, которому я тотчас же выговорю за то, что он оставляет на дороге у посетителей без всякого присмотра такие провалы, где его клиенты могут сломать себе шею».

Он встал на ноги и начал ощупью продвигаться вперед по коридору. Первый испуг миновал, и мысль его крепко ухватилась за ниточку придуманного им своему нечаянному приключению объяснения. Он просто провалился – и, по счастью, без ущерба для организма – сквозь какое-то отверстие в винный подвал, и если ему даже придется тут заночевать, ну что ж... конечно, провести ночь на голой и сырой земле или даже на возвышении, где стоят бочки, не ахти как приятно, но, в общем, и ничего ужасного тоже нет, чтобы переспать однажды в обществе дружелюбно настроенных бочек, так сказать, в объятиях родственной стихии, прямо под отверстием, из которого одним движением руки он сможет открыть для себя божественную струю плзеньского. В наказание неосторожному Вюрфелю он использует эту возможность сполна, и его сегодняшнее приключение долго еще будет служить пищей для веселого разговора. И все же он с бьющимся сердцем освещал себе путь вперед, нетерпеливо пытаясь угадать в угрюмой тьме желанные очертания бочек. Но тщетно: проход по-прежнему был пуст, тесен и неприветлив.

Наконец угас последний луч надежды. Исчез образ винного подвала, единственный образ, придававший подземелью уют в глазах пана домовладельца, – и на смену ему явились картины ужасные, которые он до тех пор отгонял от себя усилием воли. Без сомнения, он провалился в какие-то катакомбы, в лабиринт подземных склепов под собором Св. Вита! Вместо симпатичных бочек в его взбодораженном воображении замелькали источенные червями гробы, истлевшие саваны, иссохшие трупы, оскаленные черепа, чудовищные мумии... От ужаса волосы у него на голове стали дыбом, пан Броучек невольно шагнул назад.

Как по мановению руки, ситуация вдруг явилась ему в красках наимрачнееших. Он изо всех сил старался отогнать от себя гробовые тени и подумал о тайных ходах, существование которых столь бурно и столь недавно обсуждалось. Но и эта перспектива была мало привлекательна. Это наверху, за кружкой пива в приятной компании, хорошо говорить о таких коридорах, иное дело – ощупью брести по ним один-одинешенек в глухую полночь бог знает где под землей.

И вдруг ему на ум пришла спасительная мысль. Ну как это он сразу не смекнул? Ведь можно было покричать и позвать на помощь через ту шахту, по которой он съехал вниз и которая вверху непременно должна выходить куда-то в помещения «Викарки» или поблизости от них.

Пан Броучек быстро нащупал дорогу назад и, вернувшись к нижнему отверстию шахты, закричал в полную силу своих крепких легких:

«Эй, пан Вюрфель! Пани Вюрфелева! Эй, люди-и! Эй, кто там есть! Помогите-е-е!»

Он прислушивался и снова кричал, но ответом ему был лишь собственный голос, возвращаемый гулким и зловещим эхом от стен шахты бог весть какой глубины. И все же он не оставлял своих попыток, пока не охрип. Тогда, потеряв надежду, он поник головой.

Ну что теперь? Остается только вновь отправиться в исследовательскую экспедицию по коридору. Правда, археологические эти изыскания не слишком прельщали пана Броучека. Его интерес к древностям разом упал ниже нуля. Впрочем, я полагаю, что и сам профессор Седлачек не испытал бы особого восторга, если бы, выйдя из уютной залы трактира, очутился вдруг один-одинешенек в каком-нибудь из подземных ходов Града, не зная, каким путем он из него на свет божий выберется и выберется ли вообще.

Если помощи через шахту не дозовешься и если коридор на другом конце засыпан... Страшная мысль! Тогда ты здесь заживо погребен, несчастный Броучек, и ждет тебя тут жалкая смерть от голода, во сто крат более жалкая, чем на Луне, где тебя хоть оплакали бы чувствительные лунные жители; здесь же ни одна сердобольная душа не будет скорбеть о тебе, когда ты, изнемогая от голода, будешь грызть собственные руки, никто не закроет твоих глаз и, может, даже никто никогда не найдет твои истлевшие кости!

Так сокрушался наш герой, опять вступая в коридор. Головой он задевал о выступающие или вовсе вываливающиеся камни низкого потолка, ноги его скользили на влажной почве, спотыкались о груды сбитой штукатурки, но отчаяние и смертельный ужас подгоняли несчастного, и он быстро продвигался вперед.

Пройдя довольно долго, он сел наконец на минутку передохнуть и осмыслить свое ужасное положение. Мелькнувшая было звездочка надежды – что ход выводит в Олений ров – теперь погасла: он шел так долго, что давно б уже был наверху, если бы туннель вел в этом направлении. На каменные ступени, по которым сошел когда-то Вюрфель, тоже надежды не было; впрочем, ведь Вюрфель говорил, что проходы, к которым вели ступени, засыпаны, да и сами ступени, наверно, уже давно замурованы в фундаменте нового придела. Но что, если туннель в самом деле ведет в один из бывших королевских домов в городе, как он сам недавно доказывал снобу профессору?! По продолжительности своего скольжения по крутому стволу шахты он заключил, что дно ее вполне могло находиться ниже уровня дна Влтавы и, следовательно, горизонтальный туннель, от нее отходящий, мог проходить под руслом реки и вести в Старый город; и, может быть, где-нибудь там, в подвале какого-нибудь старого дома, где некогда жила король Вацлав, и заканчивается этот ход?..

Он ухватился за эту идею, как хватается тонущий за последний обломок корабля, и со всей решимостью двинулся дальше. Сначала он опять чиркал спичку за спичкой, но вовремя опомнился, рассудив, что таким образом можно израсходовать весь коробок, не пройдя и половины пути. А если коридор не оканчивается выходом на поверхность, если он засыпан или теряется в лабиринте других коридоров, что он будет делать без света в этой тьме египетской? Ему не хотелось доводить эту страшную мысль до логического конца.

Так или иначе, он решил экономить спички насколько возможно и использовать их лишь в случае настоящей необходимости. Трудности его передвижения возросли тем самым втрое. Пригнув голову, он осторожно ощупывал стены и передвигал одну ногу вслед за другой с величайшими предосторожностями: сверху он боялся выступающих камней, а снизу, с одной стороны, обломков, коварных колодцев и провалов, с другой же – змей,

ящериц, василисков и прочих ядовитых гадов, которые обожают гнездиться в таких потайных ходах, – это он хорошо усвоил из рыцарских романов, неоднократно здесь нами упоминавшихся. Ко всему прочему, над ним неустанно витала окровавленная тень некоего Бертрама фон Угуштайна и тени других несчастных рыцарей и дам, злодейски погубленных в подземельях.

Каждый согласится, что я мог бы еще долго с выгодой для себя использовать положение, в которое попал несчастный пан Броучек, и заполнить несколько волнующих глав дальнейшим пространным описанием его жутких подземных странствий, прибегнув к помощи разнообразных препятствий и опасностей – срывающихся камней, разверзающихся пропастей, сражений с крысами, падений через скелеты и тому подобных увлекательных вещей. Но цель моя не в том, чтоб распинать на дыбе читательские чувства, – я полон решимости объективно изложить чистейшую правду.

А потому скажу лишь кратко, что пан Броучек все шел и шел ощупью по коридору, и казалось, его крестному пути не будет конца. Но внезапно в нем снова зародилась надежда. Он услышал над головой глухой ропот, будто тяжелые воды шумно катились над ним, и на разгоряченный его лоб упали с промокшего свода холодные капли. Его догадка подтверждалась: да, видимо, он достиг уже той части туннеля, что находилась под руслом Влтавы и вела в Старый город!

Приободрившись, он с новыми силами продолжал свой мученический путь, опасаясь теперь лишь одного: как бы выход из туннеля не оказался завален где-нибудь глубоко под землей, не упирался в какой-нибудь замурованный склеп или в заброшенный водосточный канал.

Шум над его головой затих: наверное, он был уже под Старым городом. С бьющимся сердцем, в напряженном ожидании он быстро продвигался вперед. Вдруг нога его наткнулась на какое-то препятствие; он поспешно зажег спичку и – о, кто сможет передать радостное его волнение, когда он увидел обросшие мхом каменные ступеньки, ведущие куда-то наверх!

Нетерпеливо устремился он по ступенькам, освещая себе дорогу спичками. Лестница шла винтом, и подниматься по ней было неудобно. Наконец он добрался до тесного и низкого помещения и прямо перед собой заметил густо затканную паутиной, всю в червоточине дверь, искусно обитую железными, но уже сильно изъеденными ржавчиной прутами. В замке, таком же заржавелом, торчал – о радость! – огромный, ржавый, странной формы ключ.

Пан Броучек прежде всего попробовал, не открыта ли дверь. Увы, нет. Тогда он попытался повернуть в замке ключ. Он тужился что было мочи, капли пота выступили у него на лбу, но все было тщетно. Ключ будто сросся с замком в единую ржавую массу. Наконец, когда он обернул руку платком и напряг все силы, старое железо со страшным скрипом поддалось. Он потянул дверь на себя, но она не открылась. Тогда он навалился на нее с этой стороны и был наказан за свою неосторожность: дверь внезапно распахнулась, и пан Броучек полетел куда-то вниз, по счастью с малой высоты, так что лишь слегка ушиб себе коленки.

Он поднялся и посветил вокруг. То, что он увидел, было столь неожиданным, что от изумления он выронил спичку. В неверном свете ему явилось видение как из волшебной сказки.

Он чиркнул новую спичку – нет, это не был мираж. Он стоял в тесной и низкой комнате, не имевшей окон, но сиявшей, как сундук, набитый доверху редчайшими драгоценностями. И то были настоящие, подлинные драгоценности. Стены были сплошь усеяны яшмой, горным хрусталем, аметистами, халцедонами и иными самоцветами по золотому фону; более дорогие камни – алмазы, рубины, гранаты, сапфиры, изумруды и прочие – блистали на золотых и серебряных шлемах, панцирях, рукоятях и ножнах мечей, на щитах, поясах, диадемах, пряжках, перстнях, потирах, блюдах и бокалах, на распятиях и четках, на парчовых королевских мантиях и других одеждах из редкостных тканей, расшитых жемчугами, частью развешанных по стенам, частью живописными грудами лежащими на расписных либо инкрустированных сундуках, золотыми и серебряными полосами и гвоздями окованных и обитых, видимо, и иные

сокровища содержащих; частью же прямо на полу, который и сам был сложен из посеребренных и позолоченных дощечек.

Лишь с часовней Креста на Карлштейне, где Отец страны собрал на малом пространстве, как в фокусе волшебного зеркала, все, что было в его королевстве драгоценнейшего, прекраснейшего и наисвятейшего, можно было сравнить эту ослепляющую взор комнату. Но, в отличие от той, куда сам император Карл вступал, сначала снявши обувь, для молитвы у сияющей святыни, где покоились под божественной защитой драгоценные реликвии и сокровища страны, эта комната была, по-видимому, кладовой сокровищ светских, и их владелец приходил сюда, просто чтобы потешить свой взор зрелищем сказочного великолепия, образчики которого собрал он здесь.

Неудивительно, что пан Броучек, обнаружив такое богатство, был потрясен. Он никогда не слышал и не подозревал, чтобы в Праге могла быть сокровищница, которая затмила бы даже сокровищницу капуцинов в монастыре Св. Лореты на Градчанах. Ему тут же пришло в голову, что подземный ход вывел его в тайное хранилище богатств короля Вацлава, оставшееся неизвестным до той минуты, когда пан Броучек в силу счастливой случайности обнаружил его.

От этой мысли у него закружилась голова. Если это так, ему должна принадлежать, во всяком случае, какая-то часть клада, а ведь и десятая доля этих сокровищ сделает его невероятным богачом.

Он снова чиркнул спичку и, заметив, что с потолка на серебряных цепочках свисает драгоценная золотая лампа, зажег фитиль. Лампа разгорелась и довольно ярко осветила небольшое помещение, пан Броучек мог теперь без помехи любоваться блеском сокровищ. Он касался их, брал некоторые вещи в руки, прикидывал мысленно цену этого богатства, которая стремительно росла, достигая уже головокружительных цифр. Он разом позабыл все свои страхи, минуту назад терзавшие его в подземном коридоре.

Пан Броучек был в экстазе.

Осматривая комнату, он слегка притворил дверь, открытую вовнутрь, и вновь был поражен: внутренняя сторона ее представляла собой картину в дорогой золотой раме, которая, когда дверь закрывалась, так плотно прилегала к стене, что никто бы и не заподозрил здесь потайного хода. Тому способствовало еще и то обстоятельство, что картина не достигала пола, а была повешена выше, примерно – из-за низких сводов комнаты – на уровне окна, почему падение пана Броучека и оказалось не столь страшным.

В момент, когда пан Броучек полностью закрыл дверь, его охватило странное чувство. Голова его закружилась, сознание заволочло пеленой, будто вихрем молниеносно накрыло его и унесло куда-то вдаль. Но это длилось лишь мгновение.

Головокружение прекратилось, и пан Броучек пробормотал, держась руками за голову: «Какого черта! Мне почудилось, что я сейчас в обморок упаду или, сохрани боже, что меня вот-вот хватит удар... И ничего удивительного – после всех этих волнений! Но слава богу, вроде пронесло».

Он снова взглянул на картину, представлявшую какого-то государя с большой собакой у ног – возможно, короля Вацлава. Пан домовладелец признал в том явное подтверждение своей догадки. Однако его удивила свежесть красок: полотно выглядело недавно написанным. Странное дело! По ту сторону двери все источено червями и разъедено ржавчиной – здесь же краски так свежи, будто художник лишь недавно закончил портрет. И все вещи в сокровищнице сияют, как новехонькие; и ризы тоже не кажутся ни поношенными, ни выцветшими. Может, это вовсе не сокровищница короля Вацлава, а кладовая какого-нибудь нувориша, нынешнего владельца бывшего королевского дома? Но и эта мысль отпадала. Хотя все тут и казалось новым, эти украшения, оружие, одежда и прочее имели формы, стиль и покрой стародавних времен, какие уже не встречаются у схожих вещей нашей эпохи; ясно, что это

не современная сокровищница. Может быть, лавка антиквара? Но тогда вещи не выглядели бы все так ново, особенно одеяния.

В конце концов он объяснил себе удивительную сохранность предметов тем, что помещение долгое время было заперто и в нем поддерживалась особая атмосфера; слышал он как-то раз, будто в некоторых таких камерах даже мертвые столетиями сохраняют прежний вид.

«Небось подвал этот не открывали со времен короля Вацлава», – подумал он потом, и от этой мысли холодок пробежал у него по спине. Короля Вацлава он хорошо знал по своим книжкам и по разговорам – конечно, не исторического короля Вацлава, а другого – ленивого, с огромным черным псом, следующим за ним по пятам, и кумом-палачом, шагающим с ним рядом. Он представил себе, как, может быть, в последний раз шел король подземным коридором, чтобы насладиться зрелищем своего тайного клада, как потом вышел через дверцу, скрытую за картиной, и повернул в замке ключ, которого с тех пор не коснулась человеческая рука, пока столетия спустя его не повернула рука пана Броучека. Он невольно отступил на шаг, со страхом взглядывая на портрет, – на минуту ему показалось, что сам грозный король со своим чудовищем псом стоит живой в проеме открытой двери и грозит ему.

Но ничуть не бывало! Дверь закрыта, и на ней всего лишь картина, помещенная здесь, скорее всего, с целью преградить путь в тайный ход случайному пришельцу, если бы он как-то проник в сокровищницу.

Тут только пан Броучек стал оглядываться в поисках второго выхода – в восторге от найденного клада он об этом совершенно позабыл.

Детально осмотреть небольшое помещение не составило труда, но он нигде не заметил ни дверей, ни даже оконца. Тут взгляд его упал на картину в золотой, украшенной драгоценными камнями раме; она изображала королеву и висела в точности напротив портрета короля, причем на том же уровне, и размеры ее тоже полностью соответствовали портрету короля.

Только эти две картины и были здесь, и пану Броучеку сразу же пришло на ум, что и за портретом королевы тоже должна быть скрыта дверь. Он сильно потянул раму на себя, потом стал вдавливать ее в стенку, но картина не поддавалась.

Ужас вновь охватил пана Броучека при мысли, что из сокровищницы нет никакого другого выхода, что он находится где-то в недрах каменной горы, вдали от человеческого жилья, так что в конечном счете ему не останется ничего иного, как умереть голодной смертью посреди всего этого богатства, что отнюдь не более приятно, чем смерть в подземном коридоре. Но тут он заметил, что рама в одном месте более захватанная. Он взялся за это место, стал щупать, нажимать, и – о, радость! – вдруг поддалась какая-то завитушка, и, когда он нажал посильней, вся картина вдруг сдвинулась и в стене открылся проход.

Пан Броучек вспрыгнул на край проема и осветил спичкой пространство впереди. Он увидел длинный коридор, увешанный картинами и с окнами, сложенными из мелких разноцветных стекол. «Слава богу!» – вздохнул он с облегчением.

Все-таки он еще раз вернулся в сокровищницу: он был не в силах сразу с ней расстаться. Теперь, когда путь был открыт, пан Броучек впервые испытал радость полную и ничем не омраченную. Это была царская награда за все, что той ночью довелось ему пережить.

И все же он преодолел искушение сразу набить карманы пригоршнями драгоценных камней. Если это в самом деле тайный клад, то никуда он не денется. Нужно лишь хорошенько запомнить место, чтобы опять его найти.

Погасив лампу, пан Броучек вышел из сокровищницы в коридор и осветил дверь с другой стороны. Он увидел, что здесь тоже изображена какая-то королева – без сомнения, одна из двух супруг короля Вацлава, может быть, та, что была задушена в Карлштейне его огромным черным псом. Когда пан Броучек прикрыл и придавил дверцу, картина слилась с рядом других таких же, ничем не выделяясь среди полотен, украшавших коридор.

«Ну, теперь все понятно! – мысленно ликовал пан домовладелец. – Конечно же, это тайная сокровищница короля Вацлава, помещенная в каком-то из его городских домов и соединенная подземным ходом с замком на Градчанах; и второй выход был так тщательно замаскирован, что остался неизвестен всем последующим обитателям дома. Тысячи людей тысячи раз прошли по этой галерее, и никто из них даже не заподозрил, какое богатство скрывается за этой картиной».

Он решил пока сохранить драгоценную тайну в своем сердце и уж потом выбрать, стоит ли довериться нынешнему владельцу дома и поделиться с ним, или же каким-нибудь хитрым способом самому завладеть всем кладом, что, конечно, было бы предпочтительнее и вдобавок совершенно справедливо.

Он удостоверился еще раз – на взгляд и на ощупь, – что портрет опять плотно прилегает к стене и, следовательно, не может возбудить чьих-либо подозрений, и тихонько пошел по коридору, слабо освещенному лунным светом, падавшим сквозь частый переплет окон.

Он ступал с осторожностью, но при этом отнюдь не утруждал себя мыслью о том, что будет, если его застанут здесь, в чужом доме, глухой ночью, ни о том, как он отсюда выберется. Голова его была занята найденным кладом и сладостно кружилась. Стремительным роем проносились в его мозгу видения дворцов, летних резиденций, пышных выездов, ливрейных слуг, изысканнейших деликатесов, обольстительных красавиц и прочих соблазнов, которые, пожалуй, в подобных обстоятельствах пришли бы на ум и читателю; однако, к чести моего героя, я должен добавить, что он вспомнил и свою экономку, решив отправить ее со скромной пенсией на отдых, и всех своих знакомцев, которым он устроит в «Викарке» великолепный пир (бесплатно), и даже «Центральную Матицу», на нужды которой он в качестве великодушного дара выделит двадцать гульденов.

Тем временем он дошел до лестницы и по ней спустился в длинный и узкий коридорчик, в конце которого была железная решетчатая дверца. Он был радостно удивлен, обнаружив, что дверца не заперта, и, выйдя через нее, увидел черные силуэты домов и за ними звездное небо.

– Какая бесхозяйственность! – заворчал он, но в душе благословлял незнакомого привратника, своей небрежностью открывшего ему путь из чужого дома.

Итак, он снова был под божьим небом, на вольной улице.

III

Отдышавшись как следует на свежем воздухе, пан Броучек счел своей первейшей обязанностью рассмотреть и запомнить облик дома, хранившего в себе его грядущее богатство.

Он оглянулся, посмотрел наверх и тут обнаружил, что коридорчик, из которого он только что вышел, является просто крытым проулком, ведущим меж двух домов к третьему, большому зданию, стоящему в глубине, где, по-видимому, и был некогда двор короля Вацлава. Тогда он осветил железную дверцу и увидел на ней посередине искусные кованые украшения – особенно поразили его птички в венках, очень похожие на те, что украшают Мостовую башню в Старом городе.

Потом он бросил взгляд направо и налево, чтобы определить улицу. Но, увы, хотя пан Броучек знал Прагу вдоль и поперек, он ничего не мог разобрать. В узкой улице царилась тьма, но в вышине при свете луны четко вырисовывались очертания высоких островерхих фронтонов, причудливых эркеров с башенками и балконами, складываясь в фантастическую картину, какой пан Броучек никак не мог припомнить за все время своих блужданий по Праге.

«Наверняка я попал в еврейский квартал, – сказал он себе. – Только там могут еще быть такие богом забытые углы, куда даже я никогда не заглядывал. Это же скандал, что посреди современного города сохраняются такие уродины. Все говорят об упорядочении, будто бы уже и планы готовы, но я думаю, мы этого упорядочения дождемся скорее, чем родниковой воды, на которой я, вообще-то говоря, и не стал бы настаивать. Наполеона нам не хватает – чтобы пришел, как тогда в Париже, поставил с четырех сторон пушки и сровнял бы все с землей. Вот и было бы упорядочение! Хотя что толку упорядочивать с одной стороны, когда с другой выбрасываются деньги на реставрацию всяких старых ворот, и башен, и часовен, которых в Праге прорва и которые загораживают нам проход, – а ради чего? Чтобы какой-нибудь полумный иностранец мог на них глаза пялить? А сколько вместо этого можно б построить прекрасного, прибыльного, высокодоходного жилья! А все потому, что в магистрате заправляют непрактичные ученые да профессорье!»

Как можно видеть, пан домовладелец, наперекор своим временным увлечениям стариной, остался пламенным приверженцем передовых идей современности.

Он сделал несколько шагов, продолжая свои рассуждения:

«И тьма – как в могиле. Вот это хозяйствование! Хоть бы один фонарь оставили гореть! И это почему-то называется у нас «просвещенное руководство городом». Для чего существует объединенное газовое хозяйство? На что идут все доплаты к налогам, которые прямо с мясом от себя отрываешь? Если не хочешь ложиться спать с курами, то берегись – в боковых переулках непременно расквасишь нос или поломаешь ребра. И костей не соберешь! Таких мостовых постыдились бы в самой захудалой провинции. А, чтоб тебя!»

Последний яростный вопль относился к обширной луже, в каковую неожиданно для себя вступил пан Броучек, отчего ее неизвестного происхождения содержимое с громким всплеском и чавканьем взметнулось высоко, окатив нашего пешехода.

– Нет, про это я сообщу в газету! – возопил пан Броучек, пылая праведным гневом. – Тотчас же, с утра, пусть даже это обойдется мне в пятерку. Сие переходит всякие границы! Эдакие пруды посреди улицы! А вонь! Месяц теперь не отобьешь запах от моих невыразимых. А еще толкуют об общественном здравоохранении! Интересно, для чего мы содержим штат городских эскалопов, или как там называются эти дармоеды. Видно, для того лишь, чтобы мытарить порядочных людей. У меня они переселяют жильцов из подвальных квартир – там, видите ли, немножко капает со стен, – а тут, на общественной улице, можно утонуть бог знает в каком дерьме.

Он зажег спичку и посветил на землю.

– И-и-и! Да тут каждый выливает на улицу свои помои и все что ему заблагорассудится. Ну погоди, достопочтенный магистрат, это мы отразим в хорошенькой статейке, которую вам не захочется повесить в рамочке на стенку. Вот выплюсь и сразу пойду к перчаточнику Клапзубе, пусть он мне напишет. И полицию тоже надо пропесочить. Уверен, что ночью сюда ни один постовой носу не кажет. А ведь в такой тьме кромешной нехорошие люди вполне могут свернуть тебе шею, и охнуть не успеешь: темнотища очень подходящая.

Тем временем он дошел до угла и с надеждой заглянул в поперечную улицу, отходившую налево.

– И тут – тьма как в подземелье! Все будто вымерло. Ни души кругом, чтобы можно было хоть спросить, где я, собственно, нахожусь. Это же скандал, когда старый пражанин в своем родном городе должен спрашивать дорогу, будто паломник ко святому Яну Непомуцкому. Я-то думал, что знаю в Праге каждый дом – а вот уже вторая улица, и я ее не знаю, будто я опять на Луне. Нигде в Праге не попадались мне такие ряды странных фасадов и острых крыш, столько башенок и галерей. Не иначе попал я в какой-то квартал, где давно не был, а за то время господа архитекторы понастроили тут кучу домов по нынешней сумасбродной моде! Раньше как было: гнали четыре ровные стены, на них ставилась трехскатная крыша – и вот тебе дом, все как полагается. Ну, наверху, конечно, труба, а впереди два-три ряда нормальных окон – радость посмотреть. А теперь – сплошные башни, галереи, колонны, полным-полно всяких рож и уродов, да еще какая-то пестрая роспись пошла, прямо голова кругом. Архитекторы уже не знают, как еще у дураков деньги из карманов выуживать!

От этой филиппики пана Броучека отвлек призрачный свет, возникший во тьме поперечной улочки. Он было подумал, что это фонарь, стоящий на углу, но потом распознал в этом тусклом светильнике обыкновенный фонарь, который какой-то прохожий нес в руке, освещая себе дорогу.

«М-да, докатились мы! Срамota, люди в Праге ходят с фонарями, как в захолустье», – рассердился пан домовладелец, но в душе был рад, обнаружив живое существо, которое может сообщить название улицы, столь важной для него укрытым здесь кладом, и тогда он кратчайшим путем отправится домой, в свою уютную спальню, по которой он уже искренне стосковался.

Итак, он ускорил шаг, направившись навстречу позднему или, лучше сказать, раннему прохожему. Но когда расстояние между ними сократилось шагов до пятидесяти, человек, шедший навстречу, резко остановился и стал вглядываться в темноту, в то место, где невольно остановился и Броучек. Вид незнакомца, насколько пан домовладелец мог рассмотреть при бледном и мутном свете фонаря, был поразителен.

«Какого черта! – подумал пан Броучек. – Не иначе ряженный. И откуда бы? Ведь сейчас вовсе не Масленица, июль месяц. И похорон торжественных тоже вроде не было, так что это и не загулявший знаменосец какой-нибудь гильдии. А может, это статист сбежал со спектакля прямо в театральном костюме?»

Пока наш герой предавался этим размышлениям, человек с фонарем поспешным шагом направился на противоположную сторону улицы.

«Ага! – подумал пан домовладелец. – Наверное, ему совестно своей шутовской одежды, а может, он думает, я полицейский. Но ты от меня не уйдешь!»

И он тоже повернул на другую сторону улицы, так что их пути должны были скреститься у стены противоположного дома. Но не успел пан Броучек дойти до того места, как чудной прохожий вдруг отпрыгнул к стене дома и прижался к ней спиной; выкинув вперед руку, он крикнул с угрозой в голосе:

– Коли не со злом, остановися!

Пан Броучек невольно отступил назад, ошеломленный угрожающим движением и выкриком незнакомца, а также странным выговором, особенно этим «остановися». Он подумал, что

парень перепил и с трудом ворочает языком, но тут увидел в его вытянутой руке какое-то колющее оружие, которое отнюдь не выглядело булаворией.

Он отступил еще немножко и произнес укоризненным и в то же время успокаивающим тоном:

– Не думаете же вы, что я какой-нибудь бродяжка, нацелившийся на ваше портмоне? Спрячьте скорей вашу игрушку и радуйтесь, что ее не увидел полицейский: ибо я очень сомневаюсь, что вы имеете разрешение на ношение столь опасного холодного оружия. Хотя, действительно, нам скоро не останется ничего другого, как самим заботиться о собственной безопасности, если полиция терпит на улицах такую тьму египетскую, которая весьма располагает ко всякого рода нехорошим делам. Но я – я порядочный, мирный гражданин, который лишь хотел осведомиться у вас, где я, собственно, нахожусь?

Пока Броучек говорил, человек с фонарем несколько раз взглянул направо и налево, будто искал еще одного, невидимого участника разговора. Потом он опустил слегка свой кинжал, но не ослабил напряженного положения тела и проговорил голосом, почти не утратившим первоначальной резкости:

– Трудно разумею, что кычешь⁶. Ой, еда⁷ почтенен мешенин бродит городом без огня по полуночи аки тать? Мой совет тебе: держи мошну крепче и ступай от мене с богом!

«Господи боже, – подумал про себя пан Броучек, – прононс у него хуже, чем у обыкновенного выпивохи. От пива такого не бывает. Похоже, наше Общество связей с иностранционной начинает разворачивать свою деятельность. Этот тип, видно, приехал издалека, откуда-нибудь из Боснии или из Далмации – у них тоже такие дурацкие костюмы и ломаный славянский язык».

– И пойду, пойду, только без крику! – сказал он вслух. – Все равно от вас – то есть от тебя – черта лысого добьешься, раз тебя в Прагу принесло невесть откуда. Судя по твоей странной речи и еще более странному (без обиды!) наряду, я заключаю, что ты босняк или далматинец, из тех, что торгуют уксусом или ножами или водят медведей.

– Безстудну лжу глаголеши! – вскричал человек с фонарем. – Аз бо есмь исконен пражский мешенин и верный чех. А вот ты заподлинно бегун иноплеменный, ибо беседа твоя нескладна и порты взору противны.

– Нет, это уж чересчур! – воскликнул пан Броучек. – Если ты в самом деле пражский мешанин, то как тебе не стыдно срамить свое сословие этим тряпьем и глупыми шутками. Или ты рехнулся, и твое место в желтом доме, среди умалишенных.

– Молчи, еромыга⁸ мерзкий! – яростно отвечивал дикарь. – Господом клянусь, ума лишенным мя творити не дозволю, сам сый горшаи безумнаго. Познах бо, кто еси. Ха! Израдца⁹ еси неблагородный, слуга антихристов, лазутник и соглядатай кесаря Зикмунда. Проникл еси в наш град, абы нас выдал! Но бох дасть, ты отселе жив не выйдеш!

Неожиданное обвинение в шпионаже так поразило пана домовладельца, что он позабыл все остальные оскорбления и минуту не мог прийти в себя.

– Что за глупый разговор! – возмутился он наконец. – Я соглядатай? Что за чепуха! Лазутчик кесаря Зикмунда! Какого такого Зикмунда? Отродясь о таком не слыхивал... впрочем... нет, правда... читал я что-то... был император Сигизмунд... так это бог весть сколько лет назад – наверное, во времена Жижки!

Теперь настала очередь незнакомца в ошеломлении смотреть на пана Броучека.

---

⁶ Кычешь – кричишь (*древнерус.*).

⁷ Еда – разве (*древнерус.*).

⁸ Еромыга – бездельник, негодяй (*древнерус.*).

⁹ Израдца – предатель, изменник (*древнерус.*).

– Во времена Жижковы! – вскричал он. – Пошто трясешься несуразное: ан Жижка жив и тамо, на горе на Витковой, со табориты ожидает Зикмунда!

– Ха-ха, Жижка жив! Чудно! Да Жижка уже не одну сотню лет лежит в земле, и даже от его кожи, которой табориты после его смерти, говорят, обтянули барабан, не осталось небось ни клочка. Жижка жив! Если б он был жив, у нас бы все сейчас было иначе! У нас, парень, хватило бы работки для его булавы, если бы его сразу же не забрали к святому Вацлаву. Потому что в наши времена, братец, за разрушение замков и сожжение монастырей полагается статья. Ну да ладно, ладно, не морочьте себе голову, приятель! Если бы Жижка был жив, он был бы старше самого Мафусаила. Я, правда, не знаю, когда он родился, но твердо знаю, что он жил еще до Белогорской битвы, а эту дату я случайно помню хорошо: это было в тысяча шестьсот двадцатом году, – ну а сейчас у нас идет год тысяча восемьсот восемьдесят восьмой...

Незнакомец от изумления чуть не уронил фонарь. Он вытаращил на пана Броучека глаза и судорожно выдавил из себя:

– Тысяща... и осемь сот... осьмьдесят... осьмыш? Ха-ха! Зрю яз, во твоей головушке чтои-то ся неладить. Всяк, имеяй смысл цел и разум здрав, пове трбе, что идетъ нам год от рож-дства Христова тысяща четыре ста двадцатый!..¹⁰

– Тысяча четыреста двадцатый! – воскликнул пан домовладелец. – Ты что, братец, думаешь, я идиот – или, может, ты сам идиот конченный?

– Обаче, чесо ради ашуть с буим словеса множу!¹¹ – отвечивал презрительно незнакомец и быстрым шагом пошел прочь. Несколько раз он еще обернулся, а потом ускорил шаг и слился с окрестной темнотой, лишь фонарь его еще помигивал в ней подобно блуждающему огню, пока не исчез за поворотом улицы.

Пан Броучек тупо смотрел ему вслед, пока тот не исчез из поля зрения.

– Сумасшедший! – сказал он себе уверенно. – Я мог бы сразу догадаться по тем странным тряпкам, что он на себя напялил. Однако какая удивительная путаница у него в голове! Думать, что сейчас идет год тысяча четыреста двадцатый – дичь какая! Впрочем, ведь есть же, говорят, сумасшедшие, считающие себя папой римским или королем; они носят бумажные короны, видят в каморке с голыми стенами великолепный тронный зал, а в служителях психиатрической больницы – своих министров; так почему бы не быть и безумцу, который перенесся на несколько столетий назад и всю свою жизнь устроил сообразно этой идее? Достал себе театральный костюм из какой-то исторической пьесы рыцарских времен, ходит ночами по улицам с фонарем, поскольку во времена Жижки вряд ли было газовое освещение, и изъясняется на тарабарском наречии, долженствующем изображать древнечешский язык! Смех, да и только! И бедняга думает еще, что я сумасшедший! Я только удивляюсь, как это его пускают бегать по Праге в этом маскарадном костюме, да еще с оружием. Вот несчастье, что я наткнулся именно на такого идиота!

---

¹⁰ Для оживления нашего повествования я привел слова незнакомца с фонарем (в коем проницательный читатель, по видимому, уже угадал старинного пражанина XV века) на древнечешском языке – так, как мне продиктовал их по памяти пан Броучек. Ежели что тут не сходится с нашими древнечешскими грамматиками, отнесите это на счет либо недостаточной крепкой памяти пана Броучека, либо неграмматического говорения того стародавнего пражанина, который обращал так же мало внимания на грамматику, как и пражане нынешние. Поэтому напрасно острили вы свои карандаши, господа ученые, вы, которые если и снисходите до нас, несчастных, беллетристов чешских, то делаете это лишь затем, чтобы показать нам бездонное наше невежество. Вам бы хотелось, чтобы ради этих нескольких древнечешских страничек я целый год ходил бы слушать ваши лекции и проштудировал вавилонскую башню манускриптов, инкунабул, грамматик, руководств, монографий, диссертаций и бог знает каких еще вспомогательных материалов. Но я с сокрушением сердца признаюсь, что меня не влечет к себе подлинная наука и мне больше нравится писать с потолка или как бог на душу положит. Кроме того, у меня есть серьезные опасения, что ежели бы я написал что-нибудь по профессору Н., то профессор Р. тут же бы обнаружил в этом чистую бессмыслицу, и что даже то, в чем сейчас согласны все нынешние знатоки, через десять лет будет отнесено к заблуждениям, давно осужденным, чему примеры нам всем известны.

¹¹ Однако чего ради я с безумным разговариваю? (*древнерус.*)

Между тем он шел дальше по улице и уже увидел впереди за углом отблеск какого-то пламени. Он заторопился, но внезапно с размаху налетел на препятствие и с громким проклятием свалился на землю.

Когда он поднялся и осветил спичкой препятствие, то, похолодев, распознал в нем толстую цепь, натянутую поперек улицы.

– Свет такого не видывал, – неистовствовал он, растирая испачканной рукой ушибленное колено. – Это уже не небрежность, а хулиганство! Цепь через улицу! Это вопиет к небу! И хоть бы какой фонарик привесили – нет, будто нарочно устроили ловушку во тьме кромешной, чтобы налогоплательщики ломали себе руки и ноги. Цепь через улицу! Ну погодите, я вам этой цепью потрясу, так что уши от звону заткнете. Мы еще посмотрим, имеет ли право магистрат за наши кровью и потом заработанные деньги затягивать улицы цепями. И вообще, чем портить себе нервы в этой дыре, я лучше продам дом и буду наслаждаться своим богатством в Вене или в другом приличном месте, где постыдились бы держать улицы на цепи.

Как видим, пан Броучек снова вспомнил про свой клад, что его несколько смягчило.

Он подлез под злополучную цепь и пошел дальше уже осторожнее. Улица здесь резко сворачивала вправо, и в конце ее он увидел яркое зарево огня. Вскоре он различил большой костер, разложенный посреди улицы, и вокруг него фантастические тени многих фигур.

– Гляди-ка! Прямо целое войско метельщиков или золотарей. Наверное, потому и цепь. Что это они затевают? Уж не проводят ли исподтишка эту новую канализацию, о которой столько кричат и пищут, чтобы поднести нам сей приятный сюрприз, как гром среди яс... Ой!

Увлечшись, он снова врезался в нечто, что оказалось толстым брусом, обитым железом. Эту новую неожиданность пан Броучек воспринял лишь с язвительным юмором.

– Мило, очень мило. Мало цепей, теперь и колоды пошли. Наши городские власти полагают, видно, что нам не помешает немножко заняться гимнастикой! Вилимек и Бржезновский, ау! Где вы?

В эту минуту он увидел нечто, что поразило его куда больше. Он заметил странные, увенчанные башней ворота, силуэт которых, частично высвеченный пламенем костра, перекрывал улицу, а по бокам чернела зубчатая крепостная стена. Он твердо знал, что нигде в Старом городе, да и в Праге вообще, нет таких ворот и нет такой стены. Мучительные сомнения охватили его: что, если он и не в Праге вовсе, что, если он пролетел этой чертовой шахтой на ту сторону земного шара, к антиподам?! Если однажды он из «Викарки» вознесся на Луну, разве невозможно ему из этого колдовского помещения провалиться напрямик в пекло?

Мучительное беспокойство сменилось паническим страхом, когда он остановил свой взгляд на фигурах, сидящих и стоящих вокруг костра. Отсюда он мог уже хорошо их рассмотреть.

Это были по большей части статные и крепко сбитые мужчины свирепого вида, кто в грубых рубахах, кто в пестрых одеждах чудного покроя, а кто в кованых доспехах и железных кольчугах; у некоторых на голове он заметил круглые шлемы, у других шапки на манер турбанов или диковинные шляпы, у третьих капюшоны разных цветов, и ужасное это зрелище, озаренное красным отблеском костра, в глазах пана Броучека делалось еще ужаснее присутствием грозного оружия: алебард, протазанов, мечей, палиц с длинными железными шипами, цепов, обитых жестью и утыканных множеством гвоздей...

До этого пан Броучек хоть и гневался на различные пороки городской коммунальной службы, доставившие ему ряд мелких неприятностей, однако из-за этих легких тучек ему все время сияла мысль о будущем его великом богатстве, не допуская, чтобы радостно возбужденное настроение его всерьез и надолго омрачилось. Но теперь это радостное чувство испарилось мгновенно, и душу его объял ужас. С минуту глядел пан домовладелец, застыв неподвижно, глазами, от страха вылезавшими из орбит, на это зловещее сборище. Потом он потихоньку начал отступать, пока не юркнул за угол ближайшей поперечной улочки. Оттуда он еще раз

осторожно высунул голову и взглянул на воинское расположение, но тут же поспешил спрятаться: ему вдруг померещилось, что страшная ватага повернула к нему свои грозные лица и схватилась за оружие, готовясь его преследовать.

В отчаянном испуге помчался наш герой от того места и лишь после долгого бега, не слыша за собой шума погони, рухнул без сил на широкую тумбу.

IV

Какое-то время лежал пан Броучек на тумбе в полубессознательном состоянии. В голове его роились мысли одна другой невероятнее. Эти здоровенные мужики у ворот и их оружие, особенно цепи – знакомые как музейные экспонаты страшные цепи гуситов – внушили ему дикую идею, что, может, человек с фонарем был все-таки прав и он (пан Броучек) стал внезапно современником Жижки. Причудливая эта мысль находила мощную опору в непонятных воротах с башней, в зубчатой крепостной стене, старинном покрое одежды и невразумительном языке предполагаемого безумца, в отсутствии газового освещения и странном облике улиц, в цепи и колоде и в полной нетронутости драгоценных вещей и живописных полотен в старом королевском доме.

Он изо всех сил сопротивлялся чудовищному предположению. Ему припомнилась легенда о молодом монахе, проспавшем в лесу целых сто лет; белоголовым старцем возвращается он в обитель, где его никто не признает; это сказка, но все же она во сто крат ближе к реальности, чем очутиться в столетии, давным-давно минувшем. Это уж чистая бессмыслица. Не может время остановиться, тем более не может течь назад. И даже если бы время в самом деле отступило на несколько столетий, он в нем никак не мог бы оказаться, ибо появился на свет несколько веков спустя. У пана Броучека просто голова кружилась от всей этой чепухи.

Потом ему пришло на ум, что, может, он по дороге от Вюрфеля уснул где-нибудь на тумбе и ему снится необычайно яркий сон. Подземный ход, клад – ах, и клад короля Вацлава! – человек с фонарем и все прочее было лишь причудливым, пестрым сновидением, от которого он теперь пробудился. Но и это толкование долго не продержалось.

Ночная тьма начала понемногу отступать под натиском летнего рассвета. Густая черная завеса превратилась в легкую серебристую вуаль, сквозь которую проглядывали уже не только верхние контуры, но и все основные черты окружающих предметов. И вуаль эта с каждым мгновением становилась прозрачней, сползая с домов все ниже и ниже.

Но то, что открылось пану Броучеку из-под этой дымки, преисполнило его ужасом и отчаянием. Тот, кто прочел описание его путешествия на Луну, помнит, должно быть, то место повествования, где я пишу, что с паном домовладельцем по дороге из кабачка домой случались приступы зрительных галлюцинаций, когда пражские улицы представляли перед ним в причудливом смещении и искажении. Все было перекошено, искривлено, то невероятно вытянуто, то укорочено, иной раз удвоено. Но это было при обманчивом свете месяца и уличных фонарей.

Теперь же он видел подобную картину при трезвом свете дня.

Он видел дома разнообразных размеров и внешнего облика, некоторые даже наполовину деревянные, с громоздкими то очень широкими, то невиданно остроконечными крышами, со множеством различных выступов, арочек, галерей каменных и деревянных, открытых и крытых переходов, кое-где перекинутых высоко от дома к дому, как воздушные мостики; окна самой различной величины и формы, то, как правило, очень маленькие, иные узким щелочкам подобные, а вместо стекол по большей части затянутые пленками или бычьим пузырем; там и сям виднелись железные решетки, чудно переплетенные и всячески изукрашенные, вместо входных дверей – закругленные или островерхие калитки или решетчатые воротца, на стенах домов множество тесаных украшений и фигурок, пестрая роспись, и повсюду торчали из домов железные палки, на которых покачивались то железная перчатка, то чудная шляпа, а то и деревянная прялка или иной какой знак ремесла или же здоровенные железные и деревянные груши, звезды и другие знаки, названия домов обозначающие, – все это, вместе взятое, являло собой картину столь пеструю, разнообразную и удивительную, что пан домовладелец чувствовал себя как в видении Иржика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.